

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ В XVI–XVIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

Алексейчикова Н.Н., к.и.н., доцент кафедры ИПД

Памятники канонического права являются одним из важнейших источников по истории семьи и семейных отношений наших предков. На протяжении многих веков религия занимала одно из ключевых мест в жизни людей рассматриваемого времени, оказывая огромное влияние на различные стороны жизнедеятельности. Каноническое право регламентировало их поведение и повседневную жизнь, не осталась в стороне и матримониальность. Многовековая традиция церковного права выработала определенный подход к семье, внутрисемейным и межсемейным отношениям, что нашло отражение в древнейших памятниках канонического права, восходящих еще к эпохе Древней Руси – Уставе князя Владимира и Уставе князя Ярослава, известных на территории Великого княжества Литовского [11, с. 55–56, 108, 208, 214, 219, 312]. Богатейший материал по матримониальным отношениям наших предков содержится в памятниках канонического права, представленных как трудами церковных отцов, придерживающихся православной традиции [3, 6 – 7,], так и последователей униатской церкви [4, 8]. Здесь же следует назвать работы «Катехизис» С. Будного и «Большой катехизис» Л. Зизания¹ [2, 10].

Труды отцов церкви позволяют рассмотреть целый ряд вопросов, касающихся жизнедеятельности семьи, в том числе и вопрос создания новой ячейки общества – семьи.

Необходимым условием для заключения брака церковь считала получение согласия родителей будущих жениха и невесты. В XVI в. родители имели право распоряжаться судьбой своей дочери, т.к. они несли ответственность за детей, в том числе и взрослых, но не состоящих в браке. Мать и отец могли насильно выдать ее замуж [12, с. 12]. Если же это приводило к самоубийству девушки, то родители отвечали уже перед церковным судом за то, что подтолкнули свою дочь совершить столь тяжкий грех и тем самым обрекли ее душу на муки адские. Дело в том, что самоубийство считается одним из смертельных грехов, за который, согласно религиозным представлениям того времени, душа человека попадала в ад.

Начиная с первой половины XVII в. в Уставе князя Ярослава, а точнее сказать в его Маркеловском изводе, появляется статья, говорящая о том, что девушка или «отрок» могли сами изъявить желание вступить в брак, т.е. появляется некий элемент инициативы со стороны детей. Однако, решающее слово все равно остается за родителями, которые как, и в XVI в., несли ответственность перед церковным судом только в случае самоубийства их чада перед церковью. О решающем слове отца и матери, говорится и в «Собрании припадков...», памятнике церковного права, принадлежащему перу униатов: *«Той которыя берет шлюб <...> без благословения Отца и Матери, грешит смертелне»* [11, л. 85]. Как видим, считалось, что юноша или девушка

¹ Работа С.Будного отражает взгляды протестантов, труд же Л.Зизания относится к православной традиции.

совершают смертельный грех, если вступают в брак не получив благословения со стороны родителей.

Подобно светскому законодательству, церковное право устанавливала возрастные рамки, по достижении которых молодые люди могли стать мужем и женой. Так в доступных нам памятниках церковного права XVI в. указывается брачный возраст: *«Взброняется брак <...> не имуща возраста: сиреч, аще несть муж пятнадесят лет, а жена тринадесят лет...»* [3, л. 44]. Как видим, церковь разрешала вступать в брак юношам более младшего возраста, чем это было предусмотрено светской властью; в отношении же девушек их позиции в конце XVI в. совпали. В памятнике же первой половины XVIII в. делается лишь оговорка о том, что девушка и юноша могли пожениться, достигнув «зуполных» лет, заключение брачных уз в более раннем возрасте, чем то было установлено церковью, считалось смертельным грехом [11, л. 85].

В каноническом праве устанавливается целый ряд причин препятствующих молодым людям стать супругами. Одной из таких причин, является кровное родство. Данной причине уделяется пристальное внимание со стороны церкви. Это было вызвано, с одной стороны стремлением искоренить языческие традиции в семейных отношениях, с другой – оградить будущее потомство от возможных патологий, т.к. в глазах церкви одной из основных функций брака являлось продолжение рода: *«Што принадлежит абы мели взят в законном малженстве напрод абы мели пред ся взате умыслу до розмноженя деток: яко выконаня приказане божего...»* [9, л. 75]. О запрещении вступать в брак близким родственниками, сообщает автор «Сборника, или памятной книжки священника содержащая в себе разные нужные ему выписки и указания», памятника XVI в.: *«Запрет на малженство кровозмешение, сватовство, або кумавство...»* [9, л. 75 обр.], а также создатель «Номоканона», произведении относящемуся к этому же времени: *«Взброняется брак от сродства, или кумовства...»* [2, л. 44]. Как видим, к близким родственникам причисляли сватов и людей, ставших родными в результате крещения ребенка (кумовство). Фраза о том, что заключению брачного союза могло препятствовать кровосмешение, без всяких дополнительных пояснений со стороны составителя «Сборника...», вызывает сомнения в ее трактовке. Толи она относится к молодым людям, которые непосредственно совершили «грех кровосмешения» и хотят пожениться, или же допустим, к молодому человеку, совершившему этот поступок с одной девушкой (женщиной), своей родственницей, и собирающемуся жениться на совершенно другой, а возможно, и в том и в другом случаях. К сожалению, имеющиеся у нас материалы, не позволяют нам точно определить ситуацию, сложившуюся в XVI в. Тем более, что в другом памятнике церковного права, восходящем к этому же времени, «Номоканоне» в качестве кровных родственников признаются девушка и молодой человек, если последний вступал в интимную связь с матерью или другими родственниками невесты, в результате чего лишался возможности взять эту девушку в жены [2, л. 44].

Много внимания уделяется этой проблеме и в XVII в. Так в «Собрании припадков...» не только указывается на запрет брака с близкими людьми, но и

подробнейшим образом разъясняется, кого следует считать кровными родственниками: *«Перешкода до Малженства, есть Покревенство, бы ежели бы Кревный Кревную, до четвертого поколения, взял за жену, мает быти розвод. Тое зась Покревенство ест Троякое, Прироженое, Духовное и Правное. Прироженое, ест коли особами з прироженя Кревными. Духовное, ест з крещенія святого, наприклад: Іерей Крестет, с дятятем Крещаемым, Кумы держащіе дятя, с дятятем, отец и матерь дятяте, с Іереем Крестящим, и с Кумами мают Духовное Покревенство. И да того не могут вступовати в стан Малженский. Кум зась может взяти куму, бо не мает з нею жадного Покревенства Духовного. Покревенство правное, ест в той час, коли кто своих не маючи дятей, да чужое дитя возмет собе за сына, и тый Сын называется привлацонный, и юж не может взяти в стан Малженский, жадной Невесты за жену з того дому, иж до четвертого Поколеня. <...> Прешкода до Малженства ест мужа з кревными жены своя, а жены с кревными мужа своего. Кревный зась жены, с Кревными мужа, не мают жадного между собою Повиновацтва, для того един Брат может взяти одну Невесту, а другий Брат Рожоный, может взяти другую Невесту, сестру жены Брата своего...»* [11, л. 83]. Как видим, представители униатской, как и приверженцы православной веры, церкви определяют в качестве кровных родственников не только людей родных по крови (мать и сын, отец и дочь, братья, сестры, кузены, кузины и т.д.), но и людей, ставших родственниками и результате крещения ребенка (крестные мать и отец, и родители ребенка), называя их родство духовным; а также в результате усыновления или удочерения – родство по праву. Кроме того, после заключения брака муж становился кровным родственником для родни своей жены и наоборот. Таким образом, брак между родственниками жены и ее мужем, находился под запретом в результате их кровного родства (тоже относительно жены). Наличие данного ограничения было связано с тем, что, во-первых, в XVII в. было значительное количество вдовцов, и особенно вдов (число последних было значительно выше [13, s. 123]), которые могли вступить в новый брак; во-вторых, хотя и редко, но все же существовали случаи расторжения брака, что при определенных условиях позволяла делать даже церковь. В тоже время, родственники мужа и жены не являлись кровными родственниками и могли вступать в брак, что также нашло отражение в выше приведенном отрывке, где отмечается, что родные братья имели право жениться на двух родных сестрах. Устанавливается также запрет вступать в брак молодому человеку с сестрой его нареченной невесты, в случае смерти последней, вплоть до расторжения такого брака: *«Ежели бы кто взял шлюб тылко, а пред Веселіом оумерла бы тая Невеста, не может Младенец взяти за жену Сестры ея, а ежели бы взял, мает быти розвод...»* [11, л. 83]. Этот отрывок близок по своему содержанию к запрету, касающемуся мужа и родственниц его жены.

В тоже время, создатели «Собрания припадков...» делают некоторые уступки в этой области, в чем проявился некоторый демократизм, навеянный эпохой Возрождения: *«<...> коли кто з Кревною особою сгрешит, тот не может з жаною вступовати в стан Малженский, коли аднак вступит, по*

шлюбe аже мае жити без жадноу розриву з женою...» [11, с. 82]. Из приведенного выше отрывка видно, что мужчина, вступивший в интимные отношения с кровной родственницей, не мог взять ее в жены, но если все-таки брак был заключен и произошел процесс венчания, то, несмотря на кровное родство, такие муж и жена продолжали оставаться супругами. Данное положение находится в противоречии по отношению к светскому законодательству, в соответствии с которым, подобный брак не только подлежал расторжению, но и мужчина и женщина, знавшие о своем кровном родстве и ставшие мужем и женой, подвергались наказанию.

Как видим, униатский памятник церковного права более подробно останавливается на запрете кровнородственных браков, оговаривая различные нюансы данной проблемы. Это позволяет предположить, что в XVII в. такие браки стали более частым явлением, что и привело к повышению внимания к ним со стороны церкви.

В XVI в. православная церковь категорически запрещала брак христианина (христианки) с представителями не только другой религии, но и еретиками. О чем идет речь в «Сборнике, или памятной книжке священника...»: *«Запрет на малженство <...> забарона калі ёсць «поганином або еретиком той которія бы хотел взяти христнянку собе за жону» [9, С. 75 обр.] и в «Номоканоне», где устанавливался запрет «православну мужу, еретічестей сочетатися жене...» с ссылкой на шестой Собор [2, л. 43]. Однако, уже в Основном и Маркеловском изводах Устава князя Ярослава отсутствует запрет на брак с еретиком, брачные узы с людьми, исповедующими другую веру по-прежнему находился под строгим запретом. В случае заключения такого брака, он подлежал расторжению: *«Аще жидовин или бесер'менин съ русскою бедеть на иноязычнице митрополиту 8 гривен, а руску поняти в' дом церковны...» [1, с. 88, 101]. Данный памятник церковного права не только указывает на запрещение подобных браков, но и устанавливает наказание за его заключение в виде «штрафа» и заключения в монастырь женщины-христианки. Как же поступали в случае, если христианка вступала в брак с еретиком православное каноническое право, по крайней мере доступные нам источники, не разъясняет. Зато пояснения по этому поводу мы встречаем в памятнике униатского церковного права «Собрании припадков...», датированном 1722 г.: *«Ежели бы Поганий албо жид, взел невесту Христианскую, не зоставши Христианином, треба дати розвод, але ежели бы отщепенец, албо еретик, взял Жену Православную, такой жити з собою...» [4, л. 82 обр.]. Как видим, хотя церковь и не приветствовала браки с еретиками (протестанты) или отщепенцами (православный), но все-таки не подвергала их полному запрещению, чего нельзя сказать о брачных союзах между христианами и евреями и язычниками.***

Помимо вышеприведенных условий в каноническом праве XVII в. выделяется ряд причин, которые также могут стать препятствием для заключения брака, но не являются столь строгими, т.е. если брак имел место, то муж с женой должны продолжать жить вместе. Среди них можно выделить следующие:

1) помолвка с другой девушкой: *«Коли кто едину заручит, другой взяти не может, взевши еднок может с ней жити...»*;

2) время – согласно церковным канонам не во всякий день могла состояться свадьба. Например, нельзя было венчаться во время поста или отдельных религиозных праздников: *«<...> Не вольною шлюбу брати в Пост Великий, в Петровку, и в Спасувку, и в Филепувку, взявши еднок важный ест шлюб...»*;

3) связь с собственным сыном, убийство чужой жены, иерея, и брак с монахиней: *«Коли кто чужую Жену порвет, коли кто своего властного сына тримаєт в место Кужу, при святом Крищеніи, коли кто забьет Иерея, коли кто сваволне з Мнишкою оженется, той перешкажаєт себе вступованя до Стану малженского, з другими, особами, покинувши тамтый особы не належистый, по шлюбе еднок может без разводу жити з ними...»* [11, л. 82 – 82 обр.].

Таким образом, памятники канонического права весьма относятся к проблеме заключения брачного союза, всесторонне регламентируя данный процесс.

Список литературы:

1. Древние русские княжеские уставы XI – XV вв. / подгот. Я.Н. Щапов – М.: Наука, 1979. – 239 с.
2. Катехізіс: помнік Рэфармацыі XVI ст. / пад рэд. Н. Кабелка [і інш.]. – Мінск: Юніпак, 2005. – 213 с.
3. Номаканон. – Киев, 25.11.1624 // МК. РГБ.
4. РГБ. МК – Собрание припадков краткое, и духовным особам потребное. – Супраль, 18.01.1722. – 159 л.
5. РГБ. МК – Транквиллион К.С. Евангелие учительное. – Могилев: брасткая тип. Воцанки, 1697. – 549 л.
6. РГБ. МК – Транквиллион К.С. Перло многоцветное. – Могилев: брасткая тип. Воцанки, 1699. – 242 л.
7. РГБ. МК. – Альфа и Омега. – Вильно: тип. Троицкая, 1786. – 309 л.
8. РГБ. ОР. – Фонд 256 – Д. 235: Катехизис или наука всем православным христианом к навчению велми полезно з латинского языка на русский язык ново переложенное. – Могилев, 1757. – 106 л.
9. РГБ. ОР. – Фонд 256. – Д 372: Сборник, или памятная книжка священника содержащая в себе разные нужные ему выписки и указания. 1580. – 77 л.
10. РГБ. ОР. – Фонд 310. – Д. 419: Зизаний Л. Катехизис. – Гродно, 1787. – 400 л.
11. Собрание припадков краткое, и духовным особам потребное. – Супраль, 18.10.1722 // МК. РГБ.
12. Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии / Щапов Я.Н. – М.: Наука, 2004. – 368 с.
13. Kuchowicz Z. Człowiek polskiego baroku. – Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1992. – 395 s.